

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ПУШКИНА ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

*

Б. С. Мейлах

(Ленинград)

Изучение политической биографии Пушкина после разгрома декабристского движения относится к наиболее трудным проблемам пушкиноведения. Трудность эта обуславливается не только необычайной сложностью ситуации, в которой оказался поэт, но и самим характером его суждений по острым политическим вопросам: в условиях жестокой реакции и цензурного террора он мог выражать свои взгляды с величайшей осторожностью, зачастую иносказательно, прибегая ко всякого рода ухищрениям. Сначала обманутый личиной реформатора, надетой на себя Николаем I, а затем преодолевший иллюзии, Пушкин пользовался всяким удобным поводом, чтобы определить свои истинные позиции по острейшим вопросам, связанным прежде всего с абсолютизмом как политической системой и с традициями декабризма. Далеко не все выступления Пушкина такого рода изучены и раскрыты. К малоосвещенным эпизодам относится и его отношение к общественно-политической борьбе, развернувшейся в связи со смертью Н. М. Карамзина.

Болезнь Карамзина и его кончина (22 мая 1826 г.) были использованы реакционными кругами и «благонамеренными» литераторами для восхваления российского историографа как человека, жизнь которого должна быть примером беспредельной преданности самодержавию, верности государю. В обстановке разгрома восстания декабристов этим кругам было особенно выгодно противопоставить авторитет этого писателя — деятеля 14 декабря, аттестовавшимся в печати в качестве государственных преступников, изменников царю и родине. При этом всячески восхвалялась монархическая тенденциозность «Истории государства Российского» и замалчивались те стороны деятельности автора, которые вопреки этой тенденциозности имели немалое прогрессивное значение.

Сигналом для всей этой агитационной кампании явились два события. Первое — рескрипт, данный на имя Карамзина во время его болезни Николаем I: здесь коронованный тюремщик декабристов отмечал «благородную бескорыстную» привязанность автора «Истории» к покойному государю — Александру, а также заявлял: «. . . за себя самого и за Россию изъявляю Вам признательность, которую вы заслуживаете и своей жизнью как гражданин, и своими трудами как писатель». Вторым событием, восторженно отмеченным печатью, было «целование» Николаем I усопшего Карамзина накануне его погребения¹. Оба эти факта ознаменовали официальную канонизацию облика историографа; они упоминались

¹ Рескрипт Николая I и описание похорон Карамзина см.: «Северная пчела» 1826, № 63.

почти во всех посвященных ему статьях, превозносивших покойного в духе царского рескрипта и одновременно отмечавших «мудрость» и «величие» Николая I². Восхваление Карамзина реакционерами подогревалось и еще одним обстоятельством: тогда стало широко известным резчайшее осуждение Карамзиным декабристов³.

Атмосфера официальной канонизации Карамзина ставила в очень трудное положение его друзей и почитателей, которые, будучи противниками монархической концепции историографа, считали своим долгом откликнуться на его смерть и отметить его действительные заслуги. Верноподданические некрологи и статьи о смерти Карамзина их возмущали. «Как они холодны, глупы и низки», — писал Пушкин Вяземскому 10 июля 1826 г.⁴ В этой обстановке молчание литераторов «из круга просвещенных друзей Карамзина» (слова Вяземского из письма А. Тургеневу; январь 1827 г.)⁵ ощущалось ими самими как «неприличное»⁶. Из переписки людей этого круга (Вяземского, А. Тургенева, Пушкина, Жуковского и др.) видно, с каким усердием каждый из них уговаривал другого напечатать что-либо о Карамзине, но под разными предлогами все отказывались от этой миссии. Главная же причина заключалась, конечно, в сложности ситуации, о которой мы говорили выше: в развернувшейся кампании никто не хотел ни оказаться верноподданным, ни (что было весьма опасно) выглядеть оппозиционером.

Изучение общественной реакции на смерть Карамзина подтверждает сделанные нами ранее выводы о том, что восстание декабристов способствовало дальнейшей политической дифференциации среди литераторов пушкинского круга, начавшейся еще в 1824 г.⁷ В письме к Пушкину 12 июня 1826 г. (посланном с верной оказией, а не через почту) Вяземский упрекал ссыльного поэта (находившегося тогда в Михайловском) в том, что он «грешил иногда эпиграммами против Карамзина, чтобы сорвать улыбку с некоторых сорванцов и подлецов. . .» (XIII, 284). В ответ на это письмо Пушкин, глубоко оскорбленный, писал Вяземскому (10 июля 1826 г.): «Кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ах, милый. . . слышишь обвинение, не слыша оправдания и решишь: это Шемякин суд. Если уж Вяземский etc., так что же прочие? Грустно брат, так грустно, что хоть сейчас в петлю» (XIII, 286). Пушкин здесь защищал не только свою честь, но и тех «друзей, товарищей, братьев», которые, находясь в это время в Петропавловской крепости, ожидали казни, каторги или ссылки.

² «Северная пчела», 1826, № 64; «Journal de St. Pétersbourg», 1826, № 64 и 65; «Русский инвалид», 1826, № 123; «Дамский журнал», 1826, ч. XIV, № 12 и др. — Давление официозных мнений в связи со смертью Карамзина было настолько ощутимым, что даже в статье о Карамзине, напечатанной в «Северных цветах на 1828 г.» (СПб., 1827), упоминается о «нежнейшем участии» Николая I в судьбе Карамзина (хотя статья тонко обходит вопрос о политической позиции историографа, выдвигающийся в статьях других изданий).

³ В письме к И. И. Дмитриеву он писал со злорадством: «Первые два выстрела рассеяли безумцев с „Полярной звездой“, Бестужевым, Рылеевым и их достойными клеветами» («Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву». СПб., 1866, стр. 411). Вяземского Карамзин уговаривал даже в разговорах не вступаться за «преступников», ибо они виновны «по всемирному, вечному правосудию» («Письма Н. М. Карамзина к кн. П. А. Вяземскому. 1810—1826». СПб., 1897, стр. 174).

⁴ П у ш к и н. Полное собрание сочинений в шестнадцати томах. Изд-во АН СССР, 1937, т. XIII, стр. 286 (в дальнейшем все ссылки на издание даются при цитатах с обозначением тома римской цифрой, страницы — арабской).

⁵ «Архив Тургеневых», вып. VI, 1921, стр. 54.

⁶ «Наше молчание о Карамзине и так неприлично; но не Булгарину прерывать его», — писал Пушкин Дельвигу 31 июля 1827 г., призывая его не помещать в «Северных цветах» статью Булгарина «Вечер у Карамзина».

⁷ Б. Мейлах. Пушкин и его эпоха. М., Гослитиздат, 1958, стр. 277—280, 314—316, 360—362.

В этом же письме Пушкин, подтверждая, что ему принадлежит одна из эпиграмм на Карамзина⁸, признавал, вместе с тем, что «Карамзин принадлежит истории», и рекомендовал Вяземскому принести дань его памяти: «Напиши нам его жизнь. . . по скажи в с е; для этого должно тебе будет иногда употребить то красноречие, которое определяет Гальяни в письме о цензуре» (XIII, 286). Этими намеками Пушкин давал понять, что статья, которая должна быть противопоставлена «глупым и низким» верноподданическим статьям официозной прессы и характеристике, данной историографу Николаем I, может быть напечатана только при соответствующей маскировке и с использованием приемов эзоповского языка. В ситуации этого времени такое выступление в печати, как бы оно ни было завуалировано, требовало не только мастерского владения искусством инсказаний, но и большого гражданского мужества. Автору предстояло «сказать в с е», не говоря в прямой форме ничего. Ни Вяземский, ни другие из его круга на это не пошли. На такое выступление решился только Пушкин. Лаконичную, но весьма выразительную заметку о Карамзине он искусно вмонтировал в свое публицистическое произведение совершенно новой для него формы — «Отрывки из писем, мысли и замечания» («Северные цветы на 1828 год». СПб., 1827, стр. 223—224). Помещенное среди мозаичной смеси анекдотов, светских острот (вроде «примеров невежливости» по отношению к дамам) и сентенций на литературные темы, выступление Пушкина о Карамзине прошло через цензуру. Суть заметки — в скрытой полемической направленности против официозной трактовки роли Карамзина.

Все ее значение раскрывается только при учете той политической ситуации, которую мы охарактеризовали выше. Для своей заметки Пушкин тонко использовал сохранившийся фрагмент из воспоминаний, которые он писал в Михайловском и затем уничтожил, опасаясь после восстания декабристов ареста или обыска (этот фрагмент включен в собраниях его сочинений в раздел «автобиографическая проза» под заголовком «Карамзин»). Готовя публикацию в «Северных цветах», Пушкин завуалировал ее прямой политический смысл, но полностью сохранил основную направленность.

Вначале он отметил сильное впечатление, которое произвел выход «Истории государства Российского», ибо для светских людей история своего отечества была «новым открытием» (в рукописи об этом сказано резко: «все, даже светские женщины бросились читать историю своего отечества, дотеле им неизвестную»)⁹. Далее Пушкин говорит о глупости «светских суждений» по поводу «Истории» и беспомощности журнальной критики. Но совсем иначе оценивается в заметке критика Карамзина, которая шла из лагеря декабристов. За инициалом «Н» читателями, хорошо помнившими возникшую борьбу вокруг карамзинского труда¹⁰,

⁸ Спор о том, какая именно из эпиграмм принадлежит Пушкину, убедительно решен Б. В. Томашевским (см. его книгу «Пушкин», кн. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 225—227). Это эпиграмма:

В его истории изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

⁹ Эта сентенция перекликается с сатирическими словами Пушкина (в тех же «Отрывках», напечатанных в «Северных цветах») о людях, которые «историю знают только со времени кн. Потемкина», но «со всем тем почитают себя патриотами, потому что любят ботвинью и что дети их бегают в красной рубашке».

¹⁰ Острота и общая ситуация этой борьбы охарактеризованы в статьях М. В. Нечкиной и И. Н. Медведевой, посвященных — соответственно — декабристам Михаилу Орлову и Никите Муравьеву как критикам «Истории государства Российского» Карамзина («Литературное наследство», т. 59. М., 1954, стр. 557—564 и 569—580).

легко угадывался Никита Муравьев, автор одного из наиболее острых разборов концепции «Истории». Никиту Муравьева Пушкин охарактеризовал словами «пылкий и умный». Такая аттестация в печати «государственного преступника», видного деятеля Северного общества, сочинившего проект конституции и осужденного на каторгу, является фактом беспримерным в подцензурной печати этого времени. Легкое порицание Никиты Муравьева выражено лишь в том, что он «разобрал предисловие», а не весь труд¹¹. Здесь же Пушкиным упомянут и другой критик Карамзина из декабристского лагеря — М. (Михаил Орлов), который в получившем тогда же известность письме к Вяземскому «пенял Карамзину, зачем в начале своего творения не поместил он какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян»¹². Напоминание Пушкиным о декабристской критике Карамзина было в обстановке наступившей реакции и официозных восхвалений историографа, безусловно, демонстративным (тем более, что жанр «Отрывков из писем, мыслей и замечаний» позволял говорить также о смерти Карамзина и связанных с нею событиях — рескрипте Николая I и проч.; об этом в заметке Пушкина не сказано, разумеется, ни слова).

Немалые трудности представляла для Пушкина необходимость выразить в этой заметке свое собственное отрицательное отношение к реакционной концепции Карамзина. В рукописном тексте, на основе которого писалась заметка, это отношение выражено как противопоставление «размышлений в пользу самодержавия» — «верному рассказу событий», опровергающему эти «размышления». При этом Пушкин подчеркивал, что «молодые якобинцы» «забывали, что Карамзин печатал „Историю“ свою в России». В заметке же, напечатанной в «Северных цветах», Пушкин оставил из всего этого лишь одну, но весьма многозначительную фразу: «Многие забывали, что Карамзин печатал свою „Историю“ в России». Об антимонархической направленности критики Карамзина декабристами напоминали и другие строки, оставшиеся в «Северных цветах»: «Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина». Этих остряков Пушкин порицал только за то, что «почти никто из них не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет во время самых лестных успехов и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам». Конечно, ничто не мешало читателям, ориентированным в сути дела, понять всю сатирическую остроту подобных пародий¹³.

В результате всех этих приемов иносказания и намеков Пушкину удалось обойти цензурные препятствия и единственному из литераторов

¹¹ В этой части «Мыслей об „Истории государства Российского“ Н. М. Карамзина», которая разошлась в рукописных копиях и была известна Пушкину, Н. М. Муравьев, разбирая предисловие к «Истории», подверг критике самую сущность исходных позиций автора.

¹² Во вступительной статье к публикации писем М. Орлова к Вяземскому М. Нечкина справедливо замечает, что Пушкин неточно передает эти слова Орлова: это можно объяснить лишь тем, что Пушкин не читал письма Орлова и знал его лишь в пересказе Вяземского, который не понял или не хотел понять мысли Орлова, вовсе не требовавшего от Карамзина «какой-нибудь блестящей гипотезы», а выступившего против ложной норманской концепции Карамзина (см. «Литературное наследство», т. 59, стр. 560—561).

¹³ Оговорка «почти никто» здесь весьма существенна: в самом важном из декабристских документов, критиковавших «Историю» Карамзина, — в «Записке» Никиты Муравьева, при всей безоговорочности обличения монархизма историографа, его труду воздается дань почти в тех же словах, какими говорит об этом Пушкин. Муравьев писал, разбирая предисловие: «Н. М. Карамзин. . . посвятил 12 лет постоянным, утомительным изысканиям. . . До сих пор, однако ж, никто не принял на себя лестной обязанности изъять историю благодарности» (см. «Литературное наследство», т. 59, стр. 582). Из этого следует, что Пушкин полностью соглашался с характером этой «Записки», выделяя «пылкого и умного» Муравьева среди других критиков Карамзина.

противопоставить реакционно-монархической кампании в печати в связи со смертью историографа свое отношение к его труду (характерно, что Пушкин не касался здесь других сторон деятельности Карамзина, так как именно его «История» была центральным объектом в этой кампании).

Заметка Пушкина одновременно явилась и ответом Вяземскому, осуждавшему пушкинскую эпиграмму на Карамзина и назвавшему «сорванцами и подлецами» тех, кому она нравилась. Своей явно сочувственной характеристикой Никиты Муравьева Пушкин косвенно оправдывал и свою эпиграмму, которая сатирически обобщала основные положения принадлежавшего Муравьеву критического анализа карамзинской концепции¹⁴.

Из всего этого можно заключить, что эпизод, связанный со смертью Карамзина и развернувшейся вслед за ней кампанией, должен занять свое место в дальнейшем изучении биографии Пушкина, а также в исследовании сложных приемов его политической публицистики. Нельзя, как это было до сих пор, рассматривать заметку о Карамзине только лишь как вариант отрывка из воспоминаний Пушкина, относящихся к периоду до 14 декабря 1825 г. Заметка, подготовленная в 1827 г. для «Северных цветов», получила в данной политической атмосфере новое звучание и новую направленность. Ее значение является совершенно особым и потому, что она представляет собою первое печатное публицистическое выступление Пушкина после разгрома восстания декабристов. Тем более симптоматично, что в нем содержится зашифрованное упоминание о декабристах и об их идеологической борьбе.

¹⁴ В эпиграмме Пушкина основная ее идея полностью соответствует ходу мыслей Муравьева в его критике предисловия к «Истории» Карамзина. Муравьев отмечал установку автора на «красоту повествования» и доступность для «простого гражданина», а эпиграфом взял слова Тацита «Без гнева и пристрастия». . . и т. д.; этому соответствуют у Пушкина в эпиграмме слова об «изящности», «простоте» «Истории» — и отсутствии в ней «всякого пристрастия». У Муравьева основной тезис Карамзина о том, что правители, обуздывая бурное стремление граждан, даруют им «возможное на земле счастье», расшифровывается как желание «насильствами учреждать и самый порядок». Пушкин обобщил эту же мысль в словах: «необходимость самовластия и прелести кнута».

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

*Сборник статей
к семидесятилетию
академика В. В. ВИНОГРАДОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1965